

ны падобныя інавацыі, у першую чаргу, той вялікай роляй, якую набывае навука ў жыцці сучаснага чалавека, і агульнай тэхнакратызацыяй жыцця.

Бібліяграфічны спіс

1. Гак, В. Г. К диалектике семантических отношений в языке / В. Г. Гак // Принципы и методы семантических исследований. – М. : Наука, 1976. – С. 73–92.
2. Колшанский, Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации / Г. В. Колшанский // Языковая номинация (общие вопросы). – М. : Наука, 1977. – С. 99–146.
3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
5. Тропина, Н. П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование : монография / Н. П. Тропина. – Херсон : Изд-во Херсонск. гос. ун-та, 2003. – 336 с.

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ ЛЕКСЕМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СЛАВИИ

Статья, посвященная академику Н. В. Бирилле, является скромной данью глубокого уважения к этому ученому, отдавшему много сил для реализации проекта «Общеславянского лингвистического атласа»

Т. И. Вендина (Москва, Россия)

Языковая эволюция в пространстве и во времени – это эволюция в двух направлениях – дивергентном и конвергентном, причем обе модели, как правило, сосуществуют во времени, синхронно взаимодействуя друг с другом. Благодаря этим процессам происходит формирование сходств и различий славянских языков, обретение каждым из них своего «лица», становление их языкового своеобразия, т. е. таких языковых особенностей, которые выделяют их и противопоставляют друг другу на всем языковом пространстве *terra Slavia*. И это прекрасно видно на картах «Общеславянского лингвистического атласа».

Карты Атласа говорят о такой яркой особенности славянских диалектов, как их динамичность. Она проявляется в том, что диалекты всех славянских языков способны к активному порождению эксклюзивных лексем, определяющих их «портретное» своеобразие. Наличие эксклюзивных образований дает основание предположить, что на современном этапе развития славянских языков возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия и от литературного языка, и от других диалектов.

Эксклюзивные лексем – это лексем, которые отличительно характеризуют диалекты лишь одного славянского языка и не выходят за его пределы (ср., например, такие яркие эксклюзивы **русского языка**, как: *mur-aš-ь* к. 41 ‘муравей’ т. 1 «Животный мир»; *zem-j-an-ьk-a* к. 45 ‘земляника’ т. 3 «Растительный мир»; *podъ-dojž-ьn-ik-ъ* к. 52 ‘подорожник’ т. 3 «Растительный мир»; *po-gost-ъ* к. 46 ‘кладбище’ т. 10 «Народные обычаи» и др.; **белорусского**: *zob-a* к. 18 ‘клюв птицы’ т. 1 «Животный мир»; *po-par-ъ* к. 23 ‘пар, земля, которую не пахали в течение года’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *tъlst-ost-ь, sъ-dor-ъ* к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; или **польского**: *(j)ask-ol-ъk-a* к. 24 ‘ласточка’ т. 1 «Животный мир»; *kot-ic-a* к. 16 ‘кошка’ т. 2 «Животноводство»; *ne-za-po-min-a-j-ьk-a* к. 53 ‘незабудка’ т. 3 «Растительный мир»; и т. д.

Эксклюзивные лексемы могут быть **разных типов**.

Чаще всего это **лексические** (или точнее **лексико-словообразовательные**) эксклюзивы.

Иллюстрацией таких лексических эксклюзивов могут служить, например, русские эксклюзивные лексемы, обозначающие вечерний прием пищи //už-in-ъ, //už-in-a, //už-ьn-a к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которые выделяют русские диалекты на всем пространстве Славии. В мотивационных признаках этих лексем отразилась идея движения солнца, его **пространственной локализации** на небосклоне как указания на время приема пищи (из праславянского *jugъ Фасмер IV: 152), тогда как для большинства славян характерно внимание к самой идее **времени**, в частности, к определенному промежутку времени как части суток (ср. *večer-ь, večer-j-a*).

Однако кроме лексических эксклюзивов на картах Атласа имеется немало и таких, которые являются чисто **словообразовательными**, так как они выделяют те или иные диалекты с точки зрения словообразовательной структуры представленных в них лексем.

Богатый материал словообразовательных эксклюзивов дает к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». На этой карте широко представлены лексемы с корнем *kraj-*. Однако в русских диалектах они имеют одно оформление (ср. *kraj-ux-a, kraj-uš-ьk-ъ, kraj-uš-ьk-a*), в словацких – другое (ср. *kraj-ik-ъ*), в болгарских – третье (*kraj-išč-e*), в словенских – четвертое (ср. *kraj-ьč-itj-ь*), в сербских – пятое (ср. *kraj-ik-a*) и т. д. Причем все эти названия являются эксклюзивами.

Примеров можно привести множество, так как словообразовательные эксклюзивы встречаются чаще всего (ср. **плс.** *pas-ьn-ik-ъ* к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство» при восточнославянском *pas-ьb-išč-e*; **укр.** *pas-ov-išč-e*; **серб.** *jьz-pas-išč-e, jьz-paš-a* и т. д.; или **плс.** *kos-ьn-ik-ъ* к. 70 'мужчина который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство» при восточнославянском, **слц., слн., серб., хорв.** *kos-ьс-ь*; **серб., хорв., мак., блг.** *kos-ač-ь*; восточнославянском *kos-ar-ъ* и т. д.).

Наконец, самую небольшую в количественном отношении группу эксклюзивов составляют собственно **семантические**. К сожалению, в опубликованных томах Атласа представлено довольно немного семантических карт, которые в большинстве своем имеют лакуны в ответах, однако даже этот ограниченный материал позволяет говорить о существовании в славянских диалектах и семантических эксклюзивов.

Ярким примером такого семантического эксклюзива может служить значение 'ячмень' у лексемы *žitо* к. 60 **žitо* т. 4 «Сельское хозяйство» в севернорусских и в западной группе среднерусских говоров; и значение 'хлебные культуры вообще, в зерне или на корню' – в македонских. На остальной славянской территории эта лексема известна либо в значении 'рожь' (в западнославянских, украинских, белорусских и в некоторых южнорусских диалектах), либо в значении 'пшеница' (в болгарских, в некоторых сербских, словацких и чешских диалектах).

В распространении эксклюзивных лексем прослеживаются два типа ареалов – обширный и ограниченный. Причем обширные ареалы, когда лексема плотно покрывала бы всю территорию диалектов того или иного языка или практически всю, встречаются довольно редко (иногда наблюдается и такая ситуация, когда подобный сценарий вообще отсутствует, как, например, в хорватских диалектах). Значительно чаще такие ареалы являются локально ограниченными. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры, иллюстрирующие обширные ареалы эксклюзивных лексем.

В словенских диалектах (*pantegan*)-а к. 13 'крыса' т. 1 «Животный мир»; в сербских *съ-вѣз-ьk-a* к. 35 'тетрадь' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; в македонских *or-ač-ь* к. 77 'мужчина, который молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство»; в болгарских *skak-al-ьс-ь* к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; в чешских *čар-ъ* к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; в словацких (*olovrant*)-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; в лужицких (*bar*)-ъ к. 5 'медведь' т. 1 «Животный мир»; в польских *kot-ic-a* к. 16 'кошка' т. 2 «Животноводство»; в украинских *kul-ь-bab-a* к. 51 'оду-

ванчик' т. 3 «Растительный мир»; в русских *šeš-uj-a* к. 39 'чешуя рыбы' т. 1 «Животный мир» и т. д.

При этом следует отметить, что только в русских диалектах это явление носит массовый характер, так как именно здесь эксклюзивы имеют часто самое широкое распространение (ср., например, ареалы таких русских эксклюзивных лексем, как *kri-dl-уш-ьк-о* к. 19 'крылышко' т. 1 «Животный мир»; *(aist)-ъ* к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *bab-ъщ-ьк-а* к. 45 'бабочка' т. 1 «Животный мир»; *čest-j-a* к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; *pod-съп-ъщ-ьп-ик-ъ* к. 21 'подсолнечник' т. 4 «Сельское хозяйство»; *//už-in-ъ* к. 62 'ужин' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.).

Объяснить явление такого широкого распространения эксклюзивной лексемы можно, по-видимому, тем, что она стала достоянием литературного языка (ср. рус. лит. аист, бабочка, ужин, чешуя, чаща, огурец и т. д.), что во многом способствовало укреплению ее «жизненной силы» и, соответственно, распространению. Благодаря этим лексемам происходило «портретное» оформление диалектов того или иного славянского языка.

Однако в целом таких случаев отмечено сравнительно немного, **значительно чаще встречаются островные или даже точечные ареалы**, причем в локализации этих ареалов также прослеживается определенная повторяемость, что позволяет говорить о том, что во всех славянских диалектах существуют своеобразные **очаги** эксклюзивных образований, т. е. эти диалекты обладают **высокой степенью «пассионарности»**, ярко выраженным стремлением к «индивидуальности», склонностью к образованию отличительно характеризующей их лексики. Обследование славянских диалектов в этом ракурсе показало, что таким удивительным свойством обладают **словенские** диалекты (особенно горенские и ровтарские говоры), которые выделяются на всем пространстве terra Slavia, ср. *(brajd)-a* к. 8 'виноград' т. 4 «Сельское хозяйство»; *(murk)-a, (kogumar)-ъ* к. 16 'огурец' т. 4 «Сельское хозяйство»; в **хорватских** диалектах очаги эксклюзивных лексем находятся чаще всего в кайкавских говорах (особенно в пп. 27, 29, 30), ср. распространение следующих лексем: *tor-ьс-ь* к. 8 'хорь' т. 1 «Животный мир»; *kuk-ov-aщ-а* к. 21 'кукушка' т. 1 «Животный мир»; в **сербских** диалектах очаги эксклюзивов локализуются чаще всего в косовско-ресавских говорах, ср. *klju-v-ьп-ic-a* к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»; *plov-ьщ-е* к. 34 'птенец утки' т. 2 «Животноводство»; в **македонских** диалектах эксклюзивные лексемы встречаются чаще всего в западной группе говоров, ср. *gluš-ьс-ь, golēm-ъ gluš-ьс-ь* к. 13 'крыса' т. 1 «Животный мир»; *тёш-un-ьк-а* к. 15 'стручок' т. 4 «Сельское хозяйство»; в **болгарских** диалектах высокая концентрация эксклюзивов наблюдается в юго-восточной группе говоров, ср. *skak-al-ь* к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; *sin-ьс-ь, sin-ьщ-ьс-ь* к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; в **чешских** диалектах очаги эксклюзивов находятся чаще всего в западной группе говоров, ср. *(roc)-ьп-а* к. 13 'крыса' т. 1 «Животный мир»; *žůž-al-j-a* к. 36 'дождевой червь' т. 1 «Животный мир»; в **словацких** диалектах эксклюзивные лексемы встречаются чаще всего в западнословацких говорах, ср. *(gol)-a* к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *bor-in-a* к. 18 'хвойный лес' т. 3 «Растительный мир»; в **лужицких** диалектах очаги эксклюзивов отмечены в отдельных пунктах как верхелужицких (чаще всего в п. 236), так и нижнелужицких диалектов, ср. *их-ащ-ь* к. 11 'заяц' т. 1 «Животный мир»; *bog-ov-ъ konj-ik-ъ* к. 47 'стрекоза' т. 1 «Животный мир»; в **польских** диалектах эксклюзивные лексемы встречаются чаще всего в великопольских и кашубских говорах, ср. *tryk-ъ* к. 4 'баран' т. 2 «Животноводство»; *kur-ak-ъ* к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; ситуация в **белорусских** диалектах интересна тем, что здесь зафиксировано меньше всего эксклюзивных лексем. Они, как правило, не имеют обширных ареалов и локализуются чаще всего в среднебелорусских говорах (особенно в пп. 331, 338, 346, 367), ср. *mur-av-ьj-ь* к. 42 'муравейник' т. 1 «Животный мир»; *koz-ьл-ъ* к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; в **украинских** диалектах основные очаги эксклюзивов находятся в юго-западных говорах (особенно часто они встречаются в пп. 466-468, 471 и 485), ср. *pac-ь=-uk-ъ* к. 8 'боров' т. 2 «Животноводство»; *кус-ьк-а* к. 16 'кошка' т. 2 «Животноводство»; в **русских** диалектах очаги эксклюзивных лексем локализуются в основном в севернорусских архангельских и вологодских говорах.

Анализ эксклюзивных лексем, представленных в опубликованных томах лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа», показал, что эксклюзивы характерны для всех славянских диалектов, однако самая высокая концентрация их наблюдается в южно- и западнославянских диалектах, особенно в словенских, болгарских, чешских и словацких.

Причем во всех славянских диалектах можно и сегодня наблюдать процесс образования эксклюзивных лексем, о чем свидетельствуют их **микрореалы**, которые являются величинами позднего времени, ср. **слн.** *vin-ik-a* к. 8 'виноград' т. 4 «Сельское хозяйство»; *modr-уш-ь* к. 61 'василек' т. 4 «Сельское хозяйство»; **серб.** *rov-ьс-ь* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; *deť-ьl-a* к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; **мак.** *da-v-a-j-e-ть* <сѣ> к. 12 'выходит замуж' т. 10 «Народные обычаи»; *сь-вьгъ-en-a* к. 10 'невеста' т. 10 «Народные обычаи»; **плс.** *koḥ-an-ьк-ь*, *za-let-ьn-ik-ь* к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи».

С чем связано появление эксклюзивов?

Основная причина появления эксклюзивов связана с особенностями восприятия и осмысления предметов и явлений внешнего мира, с той номинативной логикой, в соответствии с которой происходила его лексическая параметризация. Своеобразие в восприятии и категоризации мира носителями тех или иных диалектов, углубленная детализация мотивационных признаков, положенных в основу названий и, соответственно, разная сегментация их языковым сознанием одного и того же семантического участка привели постепенно к образованию отличительно характеризующей лексики. Давление же языковой системы способствовало тому, что освоение окружающего мира проходило по тем языковым моделям, которые были актуальными для данных диалектов.

Это своеобразное видение внешнего мира особенно ярко проявляется в мотивационных признаках, лежащих в основании эксклюзивных лексем.

Так, например, на к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» в русских диалектах представлены эксклюзивные названия *kvaš-ьn-j-a*, *kvaš-en-ьк-a*: в их мотивационных признаках отражена прагматическая составляющая, т. е. предназначение этого корыта; в то же время в хорватских, македонских, болгарских и польских диалектах распространены названия, в которых актуализируется признак «результативности» (ср.: хрв.-мак.-блг. *kop-an-j-a*; мак.-плс. *kop-an-ьк-a*).

Нередко, однако, наблюдается ситуация, когда мотивационный признак может быть один и тот же, но в его лексической реализации прослеживаются расхождения, например, на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» ведущим является акторный признак (предмет как результат действия), однако он осмысливается по-разному: в русских диалектах отчетливо просматривается обширный ареал эксклюзивной лексики с корнем **-čist-** (*ob-čist-ьк-y*), в словенских, сербских, македонских, болгарских, словацких, польских, украинских, белорусских диалектах – с корнем **lup-**: (*lup-ь*, *lup-a*, *lup-ьк-ь*, *lup-ьк-a*, *lup-in-a*, *lup-aj-ьк-a* и др.); в польских – с корнями **ber-** (*ob-ber-ьк-a*, *ob-ber-in-a*), **struž-** (*struž-in-a*, *ob-struž-in-y*), **skrob-** (*skrob-in-y*, *ob-skrob-in-y* и т. д.).

Другая причина появления эксклюзивных лексем связана нередко с культурно-историческим влиянием других языков. Причем в западнославянских и словенских диалектах особенно часто немецкого языка, а в южнославянских – турецкого. Фонетическое и морфологическое освоение иноязычного слова в соответствии с языковой системой «принимающих» диалектов нередко приводило к образованию эксклюзивной лексики. Так, в частности, именно немецкому влиянию обязано существование многочисленных эксклюзивов в лужицких, словенских, словацких, чешских и польских диалектах, ср., например, следующие эксклюзивные лексемы: в **луж.** диалектах (*trajd*)-а к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. *Getreide*; в **слн.** (*murk*)-а к. 16 'огурец' т. 4 «Сельское хозяйство» из австр. диал. *murke*;

в чеш. (*brambor*)-а, (*brambor*)-ъ к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство» из нем. *Brandenburg*; в слц. (*rat*)-а-ј-е-тъ к. 50 ‘считает деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» от нем. *Rate*; в плс. (*kater*)-ъ к. 10 ‘кот’ т. 2 «Животноводство» из нем. *Kater*; в укр. (*barabol*)-ја к. 85 ‘картофель’ т. 4 «Сельское хозяйство» от чеш. *brambor* < нем. *Brandenburg*.

В южнославянских диалектах (особенно в словенских и хорватских) к образованию эксклюзивов нередко вело итальянское культурно-языковое влияние, однако в языке оно выражено слабее немецкого, ср.: слн. (*kaštron*)-ъ к. 5 ‘кастрированный баран’ т. 2 «Животноводство» из ит. *castrone*; в хрв. (*meštar*)-ъ к. 31 ‘человек, который учит в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» из ит. *Maestro*.

Из других культурно-языковых традиций, оставивших заметный след в эксклюзивных лексемах, можно выделить турецкое, албанское и венгерское влияние. Турецкое влияние оказалось самым сильным в болгарских диалектах, здесь больше всего отмечено эксклюзивов, имеющих в своей основе турцизмы, причем основной очаг их локализации находится в юго-восточных болгарских говорах, ср. блг. (*bursuk*)-ъ к. 10 ‘еж’ т. 1 «Животный мир» из тур. *porsuk*; мак. (*tekn*)-е к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» из тур. *tekne*.

Интересным примером культурно-языкового влияния, отразившегося на образовании эксклюзивов в славянских диалектах, являются названия денег. На к. 49 ‘деньги’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» практически отсутствуют славянские лексемы. Исключение представляют лишь сербские и хорватские диалекты, в которых широко распространена лексема *nov-ъс-и* (первая фиксация в 1753 г.), являющаяся, по-видимому, универбом, восходящим либо к сочетанию *novi pjenez*, либо к сочетанию *novogradski pjenez*, где был когда-то монетный двор (Skok II: 526).

В остальных славянских диалектах «прижились» лексемы неславянского происхождения: в русских диалектах эксклюзивная лексема татарского происхождения (*denъg*)-у (она была заимствована из тюрк. диал. *dengā* (Шапошников 1: 217) и вошла в русский речевой обиход в период Золотой орды XII–XIV вв.), в украинских и белорусских диалектах – лексема (*groš*)-и, восходящая к лат. *grossus*; в западнославянских диалектах, а также в словенских и в некоторых хорватских – лексема (*pěnež*)-е, (*pěnež*)-и германского происхождения (герм. *pfenning*); в сербских, македонских и болгарских диалектах – лексема *pari* (из тур. *para* < араб. *parā*); в словенских диалектах – лексема (*dъnar*)-ъј-е, имеющая латинские корни (лат. *dēnārius*), наконец, в приморских словенских и в отдельных хорватских чакавских говорах получила распространение лексема (*sold*)-и, (*šold*)-и, которая восходит к итальянскому *soldo*.

Когда возникли эксклюзивы?

Ответить на этот вопрос чрезвычайно сложно, так как практически каждая эксклюзивная лексема имеет свою историю, особенно когда речь идет о взаимодействии языков и культур. Вместе с тем возможность пространственной визуализации ареалов эксклюзивных лексем делает реальной их относительную хронологию.

И здесь чрезвычайно важную роль играют топографические признаки ареала той или иной лексемы, а именно: какова степень его плотности, является ли он сплошным, размытым, островным или даже мерцающим, точечным? Объективность топографического критерия связана с тем, что он дает возможность выявить закономерности в формировании ареальных сценариев, существующих в разных пространственных контекстах.

Ареалогический анализ эксклюзивных лексем позволил выявить следующие особенности в распределении их ареалов.

Как уже отмечалось выше, ареал эксклюзивной лексемы может характеризоваться иногда высокой плотностью ее распространения, при этом контуры его оказываются практически ровными, часто совпадающими с государственными границами. Именно такой тип ареала имеют лексемы //уџ-ин-ъ к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление

пищи»; *bab-ъщ-ьк-а* к. 45 ‘бабочка’ т. 1 «Животный мир» в **русских диалектах**; *šap-ъ* к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир» в **чешских диалектах**; *jack-ol-ьк-а* к. 24 ‘ласточка’ т. 1 «Животный мир» – в **польских**; (*pantegan*)-*а* к. 13 ‘крыса’ т. 1 «Животный мир» – в **словенских**.

Такой тип ареала, несмотря на то, что он может быть довольно обширным, является свидетельством, скорее всего, позднего происхождения данной лексемы.

Это подтверждают и данные исторических и этимологических словарей (так, например, чешский эксклюзив *šap-ъ* к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир» В. Махек рассматривает как новообразование от ст.-чеш. *šap-a* < *šapla* (ESJC: 94; то же Sławski 2: 112); появление польского эксклюзива *jack-ol-ьк-а* к. 24 ‘ласточка’ т. 1 «Животный мир» А. Брюкнер и В. Борысь (Brückner: 200 и Boryś: 206) относят к XV в., связывая его с народной этимологией; русский эксклюзив *//už-in-ъ* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» впервые фиксируется в XVII в. (Черных II: 285) и получает широкое распространение в XVIII в. (Шапошников 2: 450); эксклюзивная лексема *bab-ъщ-ьк-а* к. 45 ‘бабочка’ т. 1 «Животный мир» в русском языке появляется лишь в нач. XVIII в. (Шапошников 1: 40).

Кроме топографических признаков, чрезвычайно важное значение имеют и собственно лингвистические критерии, позволяющие установить относительную хронологию эксклюзивных лексем. Так, в частности, если обратить внимание на их словообразовательную структуру, то нетрудно заметить, что в большинстве своем они представлены производными лексемами, причем не только второй, но и третьей ступени производности, что само по себе свидетельствует об их позднем образовании (ср. рус. эксклюзивы рус. *гѣб-ьк-ъ*, *гѣб-ьщ-ьк-ъ*, *гѣб-ищ-ьк-а* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; или *ѣйт-уш-ь*, *ѣйт-уш-ьк-ъ*, *ѣйт-уш-ьк-о* к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Примечательно, что многие из этих эксклюзивов образуются по продуктивным словообразовательным моделям, сложившимся в процессе эволюции словообразовательной системы того или иного языка (ср., например, польские эксклюзивы, обозначающие детенышей животных, все они образуются с помощью суф. =*ak-ъ*, ср. *kot-ъ*=*ak-ъ* к. 25 ‘котенок’ т. 2 «Животноводство»; *ščen-ъ*=*ak-ъ* к. 26 ‘щенок’ т. 2 «Животноводство»; *tel-ъ*=*ak-ъ* к. 28 ‘теленочек’ т. 2 «Животноводство»; *//agn-ъ*=*ak-ъ* к. 29 ‘ягненок’ т. 2 «Животноводство»; *pъrs-ъ*=*ak-ъ* к. 31 ‘поросенок’ т. 2 «Животноводство»; *kur-ъщ-ъ*=*ak-ъ* к. 32 ‘цыпленок’ т. 2 «Животноводство»; *gъrs-ъ*=*ak-ъ* к. 33 ‘гусенок’ т. 2 «Животноводство» и т. д.).

Такие эксклюзивные лексемы являются, по сути дела, вторичными новообразованиями от праславянских основ. Будучи производными от праславянских основ, эти эксклюзивы, как правило, не имеют прямых индоевропейских соответствий, что также свидетельствует об их позднем происхождении.

О позднем образовании многих эксклюзивов говорит и вторичный характер их значения (ср., например, польский эксклюзив *mysl-iv-ъ* к. 56 ‘человек, который охотится’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь», который появляется в польском языке не ранее XVI в.; значение ‘охотник’ является у него вторичным, развитие этого значения происходило в направлении ‘мыслящий, разумный’ > ‘охотник’ (Boryś: 345). Вторичный характер значения отмечен и у русского эксклюзива *//už-in-ъ* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», первоначальное, более древнее его значение ‘еда после полудня’ (Черных II: 285; Шапошников 2: 450). Нередко семантическая структура того или иного эксклюзива является результатом семантического развития слова и, в частности, метафоризации, что само по себе свидетельствует о вторичности его значения, ср.: рус. *nos-ъ*, *nos-ьк-ъ* к. 31 ‘железная часть плуга, которая подрезает землю снизу’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *гѣб-ьк-а*, *гѣб-ищ-ьк-а* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и т. д.

О позднем образовании эксклюзивной лексемы нередко говорит и само значение слова, отсылающее к реалиям современной жизни, ср.: рус. (*tabač*)-*ьп-ик-ъ* к. 20 ‘человек, который

курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи» или укр. *olov-ьс-ь* к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Наконец, об этом говорит и тот факт, что очень часто появление эксклюзивных лексем связано с культурно-историческим влиянием других языков. Не случайно среди них так много заимствований из немецкого, латинского, греческого, венгерского, тюркских и др. языков, ср., например, русские эксклюзивы: (*aist*)-ъ к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»: слово известно с XVII в., вероятно, из нем. диал. *Heister* (Шапошников I: 19); (*ogur*)-ьс-ь к. 16 'огурец' т. 4 «Сельское хозяйство»: в русском языке слово появляется в XVI–XVII вв., заимствовано из позднегреческого *ἀγγούρος* (Шапошников II: 59); (*denъg*)-у 'деньги' к. 49 т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: слово вошло в русский речевой обиход в период Золотой орды XIII–XIV вв., заимствовано из тюрк. диал. *dengā* (Шапошников I: 217) и т. д. Сам этот факт говорит о том, что появление большинства эксклюзивных лексем относится к периоду самостоятельного существования языка и является результатом позднего культурного заимствования.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что многие из эксклюзивных лексем, имеющих обширные ареалы, стали достоянием литературного языка, что также указывает на то, что их утверждение в данном языке относится к национальному периоду его развития.

Вместе с тем нельзя исключить и тот факт, что некоторые эксклюзивные лексемы имеют достаточно древнюю историю, т.е. восходят к праславянскому или, точнее, позднепраславянскому периоду, ср., например, русские эксклюзивные лексемы, которые обладают обширными ареалами и имеют фиксацию в древнерусских памятниках письменности: *čęst-j-a* к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир», производное с суф. -j- от прилагательного *čęstъ*, известно с 1097 г. (ЭССЯ 4: 109; Шапошников 2: 515); *čęš-uj-a* к. 39 'чешуя рыбы' т. 1 «Животный мир»: девербатив от глагола **čęsati*, *čęšu*, известно с 1096 г. (ЭССЯ 4: 91; Шапошников 2: 525).

Все эти аргументы являются актуальными и при характеристике эксклюзивов, имеющих ограниченные ареалы, что говорит о том, что большинство эксклюзивных лексем сформировалось в период становления национального самосознания и оформления государственности. Процесс созревания этнополитического самосознания, стремление отличить себя от соседей и подчеркнуть свою культурную специфику, осознание своей общности и вместе с ней исключительности обретал в этих именах дополнительный стимул.

Наличие эксклюзивных лексем в «Общеславянском лингвистическом атласе» говорит о том, что, несмотря на праславянский характер лексем, отобранных для картографирования, в славянских диалектах отсутствует последовательное единство в их распространении. Материалы Атласа красноречиво свидетельствуют о том, что, не порывая общности и контактов, славянские языки шли по пути самостоятельного развития, поэтому наряду с типологическим сходством в них отчетливо выявляются и различия. Они проявляются в бесконечной вариативности, отклонениях, несовпадениях в использовании лексико-словообразовательных средств, что еще раз подтверждает известный тезис о том, что типологическое единство славянских языков – общность не статическая, а динамическая. Поэтому в каждом томе Атласа можно найти обширный материал, говорящий о лексическом своеобразии практически всех славянских диалектов.

Литература

1. Черных – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М., 1994. – Т. I–II.
2. Шапошников – Шапошников, А. К. Этимологический словарь современного русского языка. – М., 2010. – Т. 1–2.
3. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. М., 1974. – Т. 1.
4. Boryś – Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
5. Brückner – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa. 1985.